

Т.И. Ряховская

«КОНСТИТУЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ТЕРМИНА

Выдвигается предположение, что, вопреки схожести современных конституции мира, которую можно проследить по структуре и некоторым элементам содержания, у них есть отличительные черты, характерные для определенных государств, складывающиеся под влиянием особых традиций, находящихся отражение в конституционной психологии. В статье исследуется данный термин.

Ключевые слова: конституционная идентичность; конституционная самобытность; правовая культура; конституционная культура; конституционная правовая культура; конституция; конституционная психология; конституционное правосознание.

В преамбуле Основного закона Российской Федерации 1993 г. закреплено: «Мы – многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на одной земле <...> принимаем Конституцию РФ». Из указанного следует: не только власть, но и нормативно закрепленные основы конституционного строя исходят от народа, напрямую зависят от его мировоззрения и социально-психологического состояния общества. Указанное представляется возможным обозначить как внеправовой фактор, которым определяется конституционный колорит государства, его конституционная самобытность.

Иначе говоря, вопреки тому, что новые и новейшие конституции мира оказываются родственными: по структуре, по некоторым элементам содержания, что связано не только с процессом рецепции, но и имплементации норм международного права, которые должны соблюдать участники мирового взаимодействия, есть отличительные черты, характерные для определенных государств, складывающиеся под влиянием особых традиций, находящихся отражение в конституционной психологии.

Последнее, не самое распространенное направление научных изысканий, по идее, и является тем фактором, который и определяет ключевые различия между государствами, оказываясь нетекстовым отражением процессов, происходящих в них, очерчивающим внеправовой элемент конституционной самобытности. Вопрос о ней становится еще более актуальным в связи с поправками, внесенными в Конституцию РФ, которая, по мнению Конституционного Суда РФ, выраженному в Заключении от 16 марта 2020 г., является высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации, закрепляет ее конституционную самобытность во внутригосударственном и международном пространстве [1].

Целью предложенного исследования является попытка уточнения терминологического оборота «конституционная психология». В качестве задач выделяются: рассмотрение и анализ сопряженных с обозначенным терминологическим оборотом понятий «государственная традиция», «правовая культура», «конституционная правовая культура», «конституционное правовое сознание», что связано с их сильной взаимозависимостью и взаимным влиянием.

Так, К.В. Арановский очень точно отмечает, что государственному праву нужно, чтобы его понимали в антропологическом и психологическом измерении. Принимая человека за личность, создающую право или оставляющую право в стороне, есть возможность обнаружения причин успехов или провалов правовых трансформаций, законодательных решений. Переход государственного права в традицию обусловлен его включенностью в общую правовую культуру [2. С. 140], а значит, и конституционно-правовую культуру.

М.В. Сальников видит целесообразность использования категории «традиция» применительно к самобытности, преемственности в развитии национальных политико-правовых систем. Обращаясь к термину «политико-правовая традиция», определяя его как некое общее начало, ученый предлагает понимать под ним особенную, обусловленную процессами появления, становления и развития культуры любого народа систему связей настоящего с прошлым, при помощи которой совершаются определенный отбор, восприятие юридического опыта и его передача, которые затем опять воспроизводятся в рамках соответствующей правовой культуры [3. С. 154–156]. Этот процесс, по нашему мнению, возможно обнаружить не только в преемственности, но и в конституционно-правовой культуре, которой обусловлена неправовая специфика каждого государства в целом и индивида в отдельности.

В.И. Червонюк описывает правовую традицию как соединение сознательного и бессознательного, сочетание когнитивных, рациональных и поведенческих элементов в образе и в поведении социального субъекта, в том числе участвующего в конституционно-правовых отношениях. Ученый полагает, что эти элементы обладают значительным регулятивным резервом, выступают как синонимы абсолютного, вечного, существующего в разные времена, тождественны универсалиям [4. С. 517]. Следовательно, можно сказать, что правовые традиции имеют не только психологический аспект, но и поведенческий. Однако вызывает некоторые вопросы идея о тождественности традиций универсалиям. В виду того что последнее не может быть уникальным для одного государства, скорее, это нечто объединяющее, выработанное мировой практикой.

К этому лишь добавим, что традиции формируются через опыт и могут формализоваться, выражаясь в виде норм. То есть традиции определяют национальную и конституционную специфику. Можно выработать своего рода формулу: общество – традиция – государство – традиция – общество, где все элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Условно: в обществе возникают отношения, которые затем регулируются государственными нормами, становятся постоянными и влияют на него, образуя тем самым нечто постоянное, не изменяющееся во времени.

Иллюстрациями современной государственно-правовой традиции России, по мнению А.А. Дорской, являются: 1) особое отношение к главе государства; 2) единоначалие в органах федеральной власти, двоевластие в регионах, выраженное в сочетании назначаемых и избираемых органов, должностей; 3) несхожесть юридической и фактической конституций; 4) верховенство государства над частными институтами; 5) двойственность государственно-правовых институтов (до 1917 г. наблюдается тесная связь государства и церкви, в советский период – государства и партийных органов) [5. С. 61]; 6) сейчас можно также обратить внимание на возрождение (реставрацию) некоторых государственно-правовых институтов (представляющее особый интерес для дореволюционной государственно-правовой доктрины гражданского общества; указы избирателей, закреплённые в ст. 102 советской Конституции СССР 1977 г., воспринятые современной практикой).

В.Д. Вохмянин обнаруживает специфику (т.е. самобытность) в тенденции универсализации, которая, по его идее, может иметь определенную национальную специфику (прослеживающуюся, например, в особенностях федеративного устройства, в формулировке «носитель суверенитета и единственный источник власти»), обусловленную особенностями исторического развития страны, а также ее многонациональностью. Он считает, что эта тенденция, признающая определенные права и свободы человека, не исключает национально-культурное и историческое своеобразие конкретного государства [6. С. 66], так как для реализации они попадают в отечественную правовую среду, отличающуюся определенным своеобразием, что, в общем-то, созвучно контексту и нашего исследования. Более того, в ранее обозначенном Заклучении Конституционного Суда РФ уточняется, что конституционные поправки, особенно в ч. 2¹ ст. 67, ст. 67¹, ч. 1 и 4 ст. 68, ч. 2 и 3 ст. 69, ст. 79¹, «касаются вопросов общероссийской государственной идентичности и гарантий ее сохранения и защиты» [1].

Е.Г. Лукьянова пишет о тенденции углубления взаимодействия международного и внутригосударственного права, которое можно проследить через присоединение Российской Федерации к ряду международных конвенций (например, в 2012 г. – к Гаагской конвенции о защите детей 1996 г., регламентирующей ответственность родителей и защищающей права и интересы детей; в 2011 г. – к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.), и продолжающейся гармонизации правил и стандартов деятельности органов ис-

полнительной власти с международными образцами, например в области взаимодействия их с гражданами и организациями [7. С. 11–12]. Отдельно отметим, что несмотря на вышеописанные поправки в Конституцию РФ (ст. 79), никто не отменяет действие ч. 4 ст. 15: «...общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [8].

Однако в целом указанное авторами не может не вызывать беспокойство, так как все это может привести к однообразию норм основных законов государств и потере их конституционный самобытности. К этому же можно добавить проблему, ставшую уже традицией: разнообразие доктринальных подходов к базовым понятиям современного конституционного права, которое, к сожалению, не дает четкого представления о некоторых важных категориях, например, таких, как прямое действие Конституции РФ, непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина и др.

В то же время люди воспринимают и отражают окружающий мир, обосновывая существование различных форм общественного сознания. Однако, как известно, не все нормы, а лишь правовые являются регуляторами правового поведения. Следовательно, в сфере общественного сознания для правовой доктрины наибольший интерес представляет правовое сознание (правосознание) как нечто, возникающее в рамках деятельности, очерченной правовыми нормами.

В этом контексте сложно не согласиться с В.В. Грамматиковым, отмечающим невозможность формирования современного правового государства без кардинальных преобразований всей духовной сферы общества, в которой важнейшую роль играет правосознание [9. С. 19], а с ним и осознание конституционных особенностей собственного государства.

Кстати, наиболее распространенный подход к правосознанию определяет его как «совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов и других компонентов, выражающих оценочное психологическое отношение людей к правовым явлениям и в целом к праву действовавшему, действующему и желаемому» [10. С. 441–442]. Ключевая фраза здесь – «оценочное психологическое отношение людей», следовательно, в данном случае право и психология оказываются напрямую связанными.

Общепринято, что в структурном отношении правосознание состоит из двух основных компонентов: 1) правовая идеология – это научное выражение взглядов о праве, представленное в системе, и его значении в регулировании общественных отношений (например, естественно-правовая, либерально-правовая идеология и др.); 2) правовая психология – это консолидированное выражение чувств, эмоциональных переживаний, привычек, стереотипов, аксиологических отношений, возникающих в связи с восприятием и реализацией норм права, позволяющих оценить психологическое отношение людей к правовым явлениям [10. С. 441–442]. Полагаем, наибольшая концентрация конституционно значимых тради-

ций, их восприятие остаются в правовой психологии, в то время как правовая идеология больше связана с юридической деятельностью и с системой установленных правовых взглядов. Причем последнюю формирует государство, а первая складывается самостоятельно.

Ввиду того что именно Основной закон Российской Федерации стал комплексным юридическим выражением важнейших политических ценностей, определяющих лицо нового и исторически преемственного государства, таких как обеспечение прав и свобод человека, демократическое федеративное правовое государство, разделение властей, парламентаризм и т.д. [11. С. 8], как отмечает В.Д. Зорькин, представляется уместным говорить о влиянии уровня конституционно-правовой культуры на формирование конституционной самобытности.

В целом, как пишет Н.В. Витрук, конституционная культура гражданина определяется следующими параметрами: конституционное мировоззрение как философско-правовое осмысление конституции, конституционно-государственная идеология; конституционно-правовая политика; конституционная доктрина; взаимодействие с иными источниками конституционного права; конституционность и конституционный порядок; средства обеспечения реализации, охраны и защиты конституции; конституционно-правовое сознание, конституционно-правовое просвещение, обучение и воспитание [12. С. 225]. Указанное определяет конституционную культуру гражданина весьма широко и емко.

К тому же сложно не согласиться с тем, что эффективность Основного закона напрямую зависит от того, насколько распространены и поддержаны ее положения, принципы и идеи самим обществом. Насколько нормы действующей Конституции РФ оказались близки эмоциональным настроениям и ценностным ориентирам граждан, показало прошедшее 1 июля 2020 г. общероссийское голосование, в результате которого, согласно Постановлению Избирательной комиссии Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 256/1888-7, итоговая явка составила 67,97%, причем поправки поддержали 77,92% избирателей [13].

Полагаем, что если существует конституционно-правовая культура, то может быть выделено и конституционное правосознание, соединяющее в себе такие компоненты, как конституционная идеология и конституционная психология, представляющая особый интерес в силу ее наиболее близкой связи с конституционной самобытностью.

Наиболее удачным, на наш взгляд, представляется определение понятия конституционного правосознания, предложенное Э.Э. Бариновым, который рассматривает его как особую высшую форму правового сознания, демонстрирующую отношение индивида, общества в целом как к установлениям Основного закона и других действующих конституционно-правовых актов, так и к практике их претворения в жизнь, а также к желаемым преобразованиям конституционно-правовых норм и институтов, равно как и к самим по себе современным конституционным ценностям [14. С. 6].

В.В. Никитяевой предложены некоторые аспекты этого явления, которое может быть воспринято как: 1) особый отраслевой вид правосознания; 2) взаимосвязь идеологических и психологических структурных элементов, посредством которых предпринимается оценка конституционно-правовых отношений, отдельных конституционно-правовых норм и всего массива законодательства, иницилирующая правовую деятельность органов государственной власти, местного самоуправления по осуществлению прав человека [15. С. 14]. То есть, конституционное правосознание содержит в себе элементы и правосознания (воспринимаемого общетеоретическим подходом), и идеологии, и психологии. Однако наиболее близкой категорией к исследуемой проблеме конституционной самобытности видится второй аспект конституционного правосознания, где ключевой является оценка субъекта, на которого направлены конституционно-правовые предписания.

Е.В. Титовой обосновывается необходимость выделения такой категории, как конституционное правосознание через его отличительные характеристики от правосознания в целом: так как оно формируется на стыке правового и политического сознания, следовательно, имеет двойственный характер; духовно-нравственные ценности, которые являются смыслообразующими для конституционного правосознания [16. С. 118–125]. Сюда же представляется возможным добавить: субъективное восприятие формального конституционного права участниками конституционно-правовых отношений [17. С. 191] и влияние традиций на убеждения людей.

А.Б. Огородниковой отмечается, что специфика конституционного правосознания как высшей формы правового сознания позволяет говорить о его взаимосвязи не только с понятием справедливости, но и патриотизма и национальной идентичности, проблема сохранения которой является актуальной в эпоху глобализации и в нашей стране [18. С. 161–164]. Полагая, речь идет не столько о национальной идентичности, сколько о самобытности, которая также может быть отражена через призму конституционной психологии, так как последняя является ее составляющей в силу того, что государственно-правовые нормы – часть культуры общества в целом.

Э.Э. Баринов справедливо утверждает, что конституционно-правовая идеология – динамичная часть конституционного правосознания. А конституционно-правовая психология – консервативный компонент [14. С. 6]. То есть в этом самом статичном компоненте отражены традиции, что совпадает с общетеоретическими представлениями о правовом сознании вообще.

Таким образом, в государственно-правовой доктрине обращается внимание на специфику категории «конституционное правосознание», не оспаривается идея о наличии в ней двух элементов: конституционной идеологии и конституционной психологии.

И если первый является более привычным, воспринимаемым как формализованная система взглядов, вытекающая из норм Основного закона, то второй – наиболее противоречивое понятие ввиду отсутствия конкретизации этого термина и его новизны.

Однако именно он необходим для наиболее полного описания категории «конституционная самобытность».

Некоторые ученые, например, Г.Н. Андреева, полагают, что «на самом деле речь идет о некоем ответвлении социальной психологии, которое нацелено на исследование психологии участников конституционно-правовых отношений. Специалисты по конституционному праву должны ставить вопросы, ответы на которые должны давать социальные психологи» [19]. По нашему мнению, едва ли социальные психологи, не имея специального знания в сфере государственного права, смогут дать ответы на поставленные юристами вопросы.

Е.В. Титова обнаруживает два аспекта, в которых может рассматриваться вопрос о конституционной психологии: 1) как социально-правовой феномен, характеризующий конституционно-психологическое состояние общества на определенном этапе конституционно-правового генезиса государства; 2) как конструкт конституционных политико-правовых явлений, где прозрачны формулы взаимодействия элементов и составляющих структур политических событий по типу идеализации «как это должно быть» [20]. Полагаем, в нашем исследовании наиболее важным представляется первый аспект, так как целостная, отделяемая от других сущность реального мира, недоступная непосредственному наблюдению, вероятно, имеет большее отношение к философии. Однако сложно предположить, что конституционная психология может исследоваться лишь на конкретном этапе, так как на нее оказывают воздействие государственно-правовые традиции, которые формируются не дискретно, т.е. точно, а долговременно.

Т.А. Жумабекова уточняет компоненты конституционной психологии так: 1) крупное объединение стихийно складывающихся, лишенных системности конституционных взглядов, представлений, суждений и идей, которые отличаются в своей совокупности от конституционной идеологии; 2) многообразный пласт эмоций, чувств, переживаний, умонастроений, формирующихся у индивидов в связи с возникновением, работой и развитием правовых институтов, структур и отношений [21. С. 240–242], что опять же имеет больше связи с конституционной идеологией.

Наиболее удачным представляется подход Е.С. Аничкина и Д.В. Каширского, которые пишут, что конституционная психология – часть правовой психологии, которая изучает отражение в сознании людей конституции как социокультурного феномена. Ученые выделяют две сопряженные формы конститу-

ционной психологии: 1) отрасль научного психологического знания; 2) феномен культуры, проявляющийся на уровне индивидуальной психики личности [22. С. 133]. То есть в этом контексте процессы ментального освоения конституционной действительности у субъектов, формирующиеся правовые установки, привычки, иные формы стереотипного поведения, позволяющие им реагировать на соответствующую правовую ситуацию [23. С. 169], сопряженные с реакцией на конституционно-правовые нормы, и являются конституционной психологией.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что конституционная психология тесно переплетена с конституционно-правовой традицией, под воздействием которой и происходит формирование отношения к конституционной действительности. В свою очередь, традиция может быть рассмотрена не только с формально-юридической точки зрения, как преемственность норм, но и как сложившиеся негласные правила поведения, психологический микроклимат отдельно взятого государства.

Именно особенностями конституционно-правовых традиций, отраженных в Основном законе, в системе возникающих и сформировавшихся правоотношений определяется ключевое различие – конституционная самобытность каждого отдельного государства.

Так, например, в большинстве конституций мира закреплено право человека на судебную защиту. Однако активно реализовывают его далеко не везде. Например, в России отсутствует привычка защищать свой законный интерес, впрочем, как и реализовывать право избирать, не говоря уже о возможности быть избранным. Многонациональный народ, к сожалению, не отстаивает свои конституционные права и свободы, не знаком с системой органов государственной власти, так как это все представляется зачастую безличным, без обращения к конкретному субъекту, что порождает процветание правового нигилизма и отсутствие активного правового поведения, которые государство пытается преодолеть, например, путем вовлечения граждан Российской Федерации в принятие решений, касающихся важнейших поправок в Основной закон.

В этом контексте конституционная психология является внеправовым отражением конституционной действительности, которая включает отношение, восприятие, рефлексиию народа по поводу тех или иных событий, явлений, происходящих в государстве. Конституционная психология есть тот самый «правовой менталитет», которым неформально и определяется нетождественность государств, т.е. их конституционная самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 14.01.2021).
2. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 658 с.
3. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С.153–156.
4. Червонюк В.И. Традиции как выражение преемственности в правовом развитии, их регулятивные особенности, взаимосвязь с инновациями в сфере действия конституционного права // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 511–526.

5. Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния. СПб. : Астерион, 2016. 246 с.
6. Вохмянин Д.В. Универсализация в конституционном праве // Защита прав человека в современных условиях : теория и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 20.04.2017. Пермь, 2017. С. 61–68.
7. Лукьянова Е.Г. Правовая система России : современные тенденции развития // Труды института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 6–23.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002?index=5&rangeSize=1> (дата обращения: 02.07.2020).
9. Грамматиков В.В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5 (15). С. 19–27.
10. Рассказов Л.П. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : РИОР, 2008. 463 с.
11. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007. 400 с.
12. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : Изд-во РАН, 2008. 272 с.
13. Постановление Избирательной комиссии Российской Федерации «О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» от 3 июля 2020 г. №256/1888-7. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46746/> (дата обращения: 14.01.2021).
14. Баринов Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2001. 201 с.
15. Никитяева В.В. Конституционное правосознание (Вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 207 с.
16. Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 118–125.
17. Аничкин Е.С., Матаева М.Х. Конституционная психология в российской среде // Актуальные вопросы общей и юридической психологии : образование, право и социальные практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. Барнаул, 2018. С. 187–191.
18. Огородникова А.Б. Конституционное правосознание общества как показатель развития идей конституционализма // Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования модернизации российского общества (к 20-летию Конституции РФ) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2013. С. 161–164.
19. Andreeva G. New direction of researches: constitutional psychology or constitutional and legal psychology? (Новое направление исследований: конституционная психология или конституционно-правовая психология?) // International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences Conference Proceedings. Spain, Madrid : Scientific public organization «Professional science», 2017. С. 266–272.
20. Титова Е.В. Конституционная психология и социально-психологический механизм действия конституции как предмет конституционного диалога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (1221). С. 39–44.
21. Жумабекова Т.А. Место правовой психологии в правовой системе и ее роль в правовой мотивации личности // Наука и новые технологии. 2012. № 3. С. 240–242.
22. Аничкин Е.С., Каширский Д.В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры // Электронный журнал «Психология и право». 2019. Т. 9, № 2. С. 130–140.
23. Червонюк В.И. Конституция и конституционное правосознание // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 166–169.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 ноября 2020 г.

“Constitutional Psychology”: On Specifying the Term

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 235–240.

DOI: 10.17223/15617793/465/31

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru

Keywords: constitutional identity; constitutional originality; legal culture; constitutional culture; constitutional legal culture; constitution; constitutional psychology; constitutional legal consciousness.

Despite the fact that the new and newest constitutions of the world turn out to be related in structure and in some elements of content, which is associated with the reception and implementation of the norms of international law that participants in world interaction must observe, basic laws have distinctive features characteristic for certain states and formed under the influence of special traditions, which are reflected in constitutional psychology. The aim of the proposed research is an attempt to clarify the term “constitutional psychology”. The objectives of the research are: consideration and analysis of the concepts “state tradition”, “legal culture”, “constitutional legal culture”, “constitutional legal consciousness” associated with the term, since they have strong interdependence and mutual influence. Particular attention is focused on constitutional psychology as its extra-legal element. The theoretical basis of the research is works by E.S. Anichkin, K.V. Aranovsky, P.P. Baranov, N.V. Vitruk, T.A. Zhumabekova, V.V. Nikityaeva, M.V. Salnikov, E.V. Titova, V.I. Chervonyuk, and other prominent authors. The normative basis was the 1993 Constitution of the Russian Federation. The main research methods are: (1) formal logical, which made it possible to clarify and generalize scholars’ opinions on the issue of state tradition, constitutional and legal culture and constitutional psychology; (2) formal legal, which contributed to the substantiation of the position on the presence of an intensification of the tendency of universalization of constitutional legal norms, the analysis of the reform of constitutional legal norms. In the course of the study, the author comes to the conclusion that constitutional psychology is closely intertwined with the constitutional-legal tradition, under the influence of which the attitude to constitutional reality is being formed. As a result, she specifies that tradition can be considered not only from a formal legal point of view, as a continuity of norms, but also as the established unwritten rules of behavior, the psychological microclimate of a single state. It is the features of constitutional-legal traditions reflected in the basic law that determine the key difference in the system of emerging and formed legal relations – the constitutional identity of each individual state. This identity is an extra-legal reflection of constitutional reality, which includes people’s attitude to, perception of, and reflection on certain events and phenomena occurring in the state. In other words, constitutional psychology is the very “legal mentality” that informally determines the non-identity of states, that is, their constitutional identity.

REFERENCES

1. Constitutional Court of the Russian Federation. (2020) *Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020, No. 1-3: On compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the non-operational provisions of*

the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority”, as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (Accessed: 14.01.2021). (In Russian).

2. Aranovskiy, K.V. (2003) *Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede* [Constitutional tradition in the Russian environment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
3. Sal'nikov, M.V. (2012) Politiko-pravovaya traditsiya, pravovaya kul'tura i pravovaya sistema: k voprosu o sootnoshenii kategoriy [Political and legal tradition, legal culture and legal system: on the relationship of categories]. *Mir politiki i sotsiologii*. 9. pp. 153–156.
4. Chervonyuk, V.I. (2011) Traditsii kak vyrazhenie preemstvennosti v pravovom razvitii, ikh regulativnye osobennosti, vzaimosvyaz' s innovatsiyami v sfere deystviya konstitutsionnogo prava [Traditions as an expression of continuity in legal development, their regulatory features, relationship with innovations in the field of constitutional law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 511–526.
5. Dorskaya, A.A. (2016) *Pravovye traditsii Rossii i razvitie prava mezhdunarodnykh organizatsiy: problemy vzaimovliyaniya* [Legal traditions of Russia and the development of the law of international organizations: problems of mutual influence]. Saint Petersburg: Asterion.
6. Vokhmyakhin, D.V. (2017) [Universalization in constitutional law]. *Zashchita prav cheloveka v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika* [Protection of human rights in modern conditions: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Perm: [s.n.]. pp. 61–68.
7. Luk'yanova, E.G. (2016) Pravovaya sistema Rossii: sovremennye tendentsii razvitiya [Legal system of Russia: modern development trends]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN*. 6. pp. 6–23.
8. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002?index=5&rangeSize=1> (Accessed: 02.07.2020).
9. Grammatikov, V.V. (2020) The Nature of Professional Legal Consciousness Deformation (A Case Study of Advocates' Work). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5 (15). pp. 19–27. (In Russian).
10. Rasskazov, L.P. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: a textbook for universities]. Moscow: RIOR.
11. Zor'kin, V.D. (2007) *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke. Vzgl'yad s II'inki* [Russia and the Constitution in the 21st century. A view from Ilyinka.]. Moscow: Norma.
12. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost' Konstitutsii* [Loyalty to the Constitution]. Moscow: RAS.
13. Election Commission of the Russian Federation. (2020) *Resolution of the Election Commission of the Russian Federation “On the results of the all-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation” of July 3, 2020 No. 256/1888-7*. [Online] Available from: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46746/> (Accessed: 14.01.2021).
14. Barinov, E.E. (2001) *Konstitutsionnoe pravosoznanie v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional sense of justice in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
15. Nikityaeva, V.V. (2002) *Konstitutsionnoe pravosoznanie (Voprosy teorii i praktiki)* [Constitutional legal awareness (Questions of theory and practice)]. Law Cand. Diss. Voronezh.
16. Titova, E.V. (2017) On the issue of the structure of constitutional consciousness and its features. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo – Bulletin of SUSU. Series: Law*. 17 (4). pp. 118–125. (In Russian).
17. Anichkin, E.S. & Mataeva, M.Kh. (2018) [Constitutional psychology in the Russian environment]. *Aktual'nye voprosy obshchey i yuridicheskoy psikhologii: obrazovanie, pravo i sotsial'nye praktiki* [Topical issues of general and legal psychology: education, law and social practices]. Proceedings of the International Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 187–191. (In Russian).
18. Ogorodnikova, A.B. (2013) [Society's constitutional legal awareness as an indicator of the development of constitutionalism ideas]. *Aktual'nye voprosy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya modernizatsii rossiyskogo obshchestva (k 20-letiyu Konstitutsii RF)* [Topical issues of constitutional and legal regulation of the modernization of Russian society (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation)]. Conference Proceedings. Ryazan: [s.n.]. pp. 161–164. (In Russian).
19. Andreeva, G. (2017) New direction of researches: constitutional psychology or constitutional and legal psychology? *International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences Conference Proceedings*. Spain, Madrid: Scientific public organization “Professional science”. pp. 266–272.
20. Titova, E.V. (2018) Constitutional Psychology and Social-Psychological Mechanism of the cOnstitution Functioning as a Subject of the Constitutional Dialogue *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (1221). pp. 39–44. (In Russian).
21. Zhumabekova, T.A. (2012) Mesto pravovoy psikhologii v pravovoy sisteme i ee rol' v pravovoy motivatsii lichnosti [The place of legal psychology in the legal system and its role in the legal motivation of the individual]. *Nauka i novye tekhnologii*. 3. pp. 240–242.
22. Anichkin, E.S. & Kashirskiy, D.V. (2019) Konstitutsionnaya psikhologiya kak otrasl' nauchnogo znaniya i fenomen kul'tury [Constitutional psychology as a branch of scientific knowledge and a cultural phenomenon]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 9 (2). pp. 130–140.
23. Chervonyuk, V.I. (2008) Konstitutsiya i konstitutsionnoe pravosoznanie [Constitution and constitutional awareness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 10. pp. 166–169.

Received: 27 November 2020